

Бенцианов М. М.

Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса

Неоднократно цитируемая фраза из «Истории о делах великого князя московского» князя А.М. Курбского: «писари же наши руския, им же князь великий zelo верить, а избирает их не от шляхетцкаго роду, ни от благородна, но паче от поповичей, или от простаго всенародства»¹ заложила основу многолетней дискуссии о происхождении дьячества, которая в последние годы обогатилась несколькими серьезными исследованиями биографического и просопографического характера². Интерес к этой теме вполне понятен и объясним. Процесс формирования и последующего функционирования государственного аппарата в Русском государстве XV – XVI вв. неотделим от истории дьячества, являющейся его составной частью. Именно дьяки выполняли основной массив управленческой работы, в значительной мере определяя контуры внутренней и внешней политики, отвечая, при этом, за преемственность и реализацию намеченных векторов развития.

В истории дьячества, как сложившейся со временем прослойки делопроизводителей низшего и среднего (а, иногда, и высшего) ранга, существует значительное количество темных мест. Исследователей неоднократно ставила в тупик быстрая и радикальная смена их положения. Московские князья Иван Красный и Дмитрий Донской в своих завещаниях отпускали на свободу находящихся в их распоряжении дьяков, которые рассматривались наравне с другими холопами. Совершенно другая картина предстает во второй половине XV в., спустя всего несколько десятилетий. Ю.Г. Алексеев справедливо отмечал изменение роли дьяка «из полусвободного министраля в ближайшего к князю технического помощника»³.

Генетически дьяки были выходцами из дворцовой системы, и проблема их адаптации в чиновно-иерархическую систему Государева двора имела актуальный характер, тем более, что их статус долгое время оставался весьма неопределенным. В Судебнике 1550 г. в статье о бесчестье сумма компенсации для дьяков «палатных и дворцовых» должна была определяться решением самого царя «что царь и великий князь укажет»⁴.

¹ Андрей Курбский. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 81.

² Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994; Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950. №4. С. 17, №8. С. 25, №12. С. 36, №20. С. 57. Упоминаются также отпускаемые на свободу казначей, тиуны, посельские и ключники. Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 14-15, 78.

⁴ Памятники русского права. М., 1956. Вып.4. С. 238.

При разнородности дьячества, многообразии выполняемых дьяками функций и прямой зависимости их положения от степени приближенности к персоне великого князя (царя) существовало большое число вариаций их места в социальной иерархии. Наиболее целесообразно в этой связи рассматривать не дьячество, как единую категорию делопроизводителей, а определенные ограниченные группы дьяков, каждая из которых обладала своими особенностями и имела разные возможности по закреплению своего места в элите зарождающегося дворянского сословия.

Большинство исследователей, изучающих складывание делопроизводственного аппарата Русского государства конца XV в., отмечали появление в дьяческой среде специализации, в частности, выделение ямских дьяков. Их появление рассматривалось как свидетельство роста и усложнения государственного аппарата. И.Я. Гурлянд относил ямских дьяков к особо доверенным лицам из окружения великого князя, а А.К. Леонтьев писал о важной роли назначения правительством в крупнейшие города великокняжеских дьяков (ямских, по контексту), в деле установления контроля за действиями местной администрации⁵.

«Ямские», видимо, изначально представляли собой отдельную должность, не связанную прямо с дьяками. Ям, как вид налога, постоянно упоминается в жалованных грамотах XIV – XVI вв. Ямщики или ямники, лица, занимающиеся сбором яма, существовали в Рязанском княжестве⁶.

Первые «ямские» – А.Б. Воронов «ямской», в документах встречаются в источниках второй половины XV в., хотя, безусловно, существовали и в более раннее время. Как и другие доходные статьи «ямское», скорее всего, периодически отдавалось на откуп. Среди московских купцов-сурожан была представлена фамилия «Ямской», которая могла иметь отношение к сбору этого налога. Только к концу столетия «ямское» перешло в ведение великокняжеских дьяков, сохранив ряд особенностей, присущих, видимо, его более ранней истории.

Несмотря на кажущуюся очевидность связи между ямской гоньбой и ямскими дьяками сохранилось, однако, всего несколько косвенных упоминаний о выполнении последними их «прямых» обязанностей, что вызывало справедливое недоумение (граничащее с полным отрицанием), со стороны исследователей⁷.

В посольских книгах для дьяков В. Рахманинова и Т. Казакова было сделано определение: «дьяки, которые ямские дороги ведают». В. Рахманинов известен в качестве составителя полной грамоты, функция, выполняемая в это время ямскими дьяками. Ямской дьяк Д.А. Кубас Сарыхозин в списке расспросных речей псковских беглецов 1536 г. фигурировал как «дьяк подорожный». В 1555 г. прогонные деньги за перевозку собранных в Новгороде налогов были отданы

---

⁵ Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV - первой трети XVI в. // Изв. 1981. Т.87. С.281-283; Гурлянд М.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века, Ярославль, 1900. С. 78-79; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV-первой половине XVI века. М., 1961.

С. 180, 183.

⁶ Гурлянд М.Я. Ямская гоньба. С. 25-50; Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 6.

⁷ Лисейцев Д.В. Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI – начале XVII века // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. Мат-лы конф., посвященной 80-летию со дня рождения А.А. Преображенского. М., 2010. С. 14-15.

ямскому дьяку И.С. Мацневу «с товарищи». Тот же И.С. Мацнев производил отвод земель ямской слободы в Вышнем Волочке. В уставной грамоте рязанским ямщикам 1557 г. велено было отвозить деньги от наемных подвод «к Москве... в казну диаком, кому ямы приказаны»⁸. Известна роль, которую играли ямские дьяки в снабжении продовольствием приезжающих в Москву посольств («а что ему корму, и то писано у ямских дьяков»).

Челобитная новгородских ямщиков 1556 г. показывает, однако, что массив финансовых дел по осуществлению гоньбы на протяжении нескольких десятилетий они совершали с «большими» новгородскими дьяками – в 1530-е гг. с И.И. Ишуком Бухариным и Д.Т. Скрипицыным, позднее с И.М. Чудиным Карачаровым и Ф.Д. Сырковым. Часть вопросов, связанных с функционированием ямской службы, находилась в ведении наместников, посельских, городских приказчиков или решалась путем прямых указов ямщикам без какого-либо участия ямских дьяков⁹. Большое число примеров свидетельствует о сборе ямских денег на местах самыми разными агентами центрального правительства, среди которых, однако, ни разу прямо не фигурировали ямские дьяки¹⁰.

О деятельности ямских дьяков в большинстве случаев приходится судить по весьма специфическому источнику – комплексу полных («холопных») грамот. В завещании Ивана III прямо предусматривалась передача в их ведение полных грамот: «А грамоты полные и докладные на Москве пишет дьяк ямской сына моего Васильев, как было при мне, а опричь того грамот полных и докладных не пишет никто»¹¹. С функциональной точки зрения подобное совмещение выглядит нелогичным и достаточно странным, получая разное объяснение в историографии¹². В силу специфики своей службы «ямские» не могли полноценно осуществлять контроль за «холопными» делами.

Помимо Москвы, Новгорода и Пскова известна грамота в Суздале, составленная ямским дьяком В. Халтурой¹³. Видно, однако, что далеко не везде оформление полных грамот находилось в ведении ямских дьяков. В Переславле-Залесском их составление производилось дьячком А.В. Зусаровым. Докладную суздальскому наместнику князю С.И. Ряполовскому писал его дьяк В. Клешняга,

⁸ Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 64; Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2002. Т.6. №46. С. 115; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т.1. (далее – ДАИ). №51. С. 79; РИБ. СПб., 1875. Т.2. №52. С. 97-98; *Анхимюк Ю.В.* Уставная грамота рязанской Ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. М. 2001. Вып. 7. С. 291.

⁹ ДАИ. Т.1. №104. С. 152-153; *Зимин А.А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 г. М. 1966. С. 343, 346-347; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг. (далее – АСЕМ) М., 1998. №92. С. 192-215; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 1. №9. С. 9-10, №13. С. 13-14; Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 1. №180. С. 151-152, №206. С. 195-196.

¹⁰ Например, Третьяк Гневашев Стогинин, белозерский городской приказчик собирал, а затем «истерял» ямские деньги (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. № 55. С. 76-86).

¹¹ ДДГ. №89. С. 361.

¹² См.: *Лисейцев Д.В.* Ямской приказ. С. 137-138.

¹³ *Хорошкевич А.Л.* Источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI вв. // Советские архивы. 1974. № 1. С. 83-84.

а в Дмитрове – поп В. Олферьев. Костромской дьяк Болобан, оформивший в середине 80-х гг. несколько «холопных» грамот, в 1496 г. фигурировал как дьяк «таможной»¹⁴. Вполне вероятно, что привлечение ямских дьяков к составлению полных грамот не получило распространения на большей части территории Русского государства.

Более того, со временем ареал, где действовали ямские дьяки, сократился. Уже названный суздальский ямской дьяк В. Халтура позднее упоминался в поземельных актах в качестве дворского, что, возможно, было связано с передачей комплекса «холопных» дел на местах в ведение дворцовой администрации. Позднее в Суздале уже неизвестны были ямские дьяки. Докладная по «велению» дворского Коврака Д. Нелидова была оформлена в Галиче. В удельном Дмитрове аналогичную операцию санкционировал дворский и воевода (sic!) Б.Я. Тверитинов¹⁵. Даже на тех территориях, где существование ямских дьяков находит подтверждение в источниках, разбирательства о беглых холопах находились в ведении тиунов. Суды по подобным делам в 1541 и 1547 гг. совершались с докладом московским тиунам Г.А. Тыртову и Я. Губину Моклокову. В Новгороде иск о беглых холопах докладывался в 1555 г. тиуну И. Сабурову¹⁶.

Имеющиеся сведения о деятельности ямских дьяков первой половины XVI в. говорят о выполнении ими широкого круга вопросов за пределами их «специализации». Новгородский ямской дьяк И.В. Лугвенева собирал в пользу великого князя оброк с дворцовых волостей. В 1518/19 г. А.И. Фуник Курцев вместе с С.А. Ярцем Нармацким межевали земли в Московском уезде. «Ямской» Т. Мунзорин Хлуденев был судьей на размежевании государственных земель с владениями Соловецкого монастыря¹⁷.

Кажущиеся противоречия позволяют разрешить переоценку давно введенных в научный оборот документов. В феврале 1556 г. половина ямского в Новгороде была пожалована М. Мунзорину Хлуденеву в кормление под Алабышем Колобовым Перепечиным: «ему то ямское ведати и пошлина своя собирать, потому ж как прежние кормленщики то ямское ведали». Оба фигурировавших здесь лица известны как новгородские дети боярские. Алабыш Перепечин был одним из тысячников Шелонской пятины. В Водской пятине располагались земли помещика М. Мунзорина Хлуденева. М.Я. Гурлянд считал их обоих детьми боярскими при ямском дьяке, однако, Алабыш Перепечин, как полноценный ямской дьяк, подписал в том же году одну из полных грамот¹⁸.

¹⁴ Кольчева Е.И. Полные и договорные грамоты XV-XVI вв. // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 65.

¹⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в. М., 1958. Т. 2. №491-493. С. 531-541; Антонов А.В. Новые источники по истории полного холопства // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 124-125; Записная книга крепостным актам XV – XVI веков, явленным дьяку Д. Алябьеву // РИБ (далее – Записная книга). СПб., 1898. Т.17. Ст. 113-114. Подписал Волк Иванов Татишев.

¹⁶ Акты служилых землевладельцев XV-начала XVII века (далее – АСЗ). М., 1997. Т. I. № 228-229. С. 200–207; ДАИ. Т.1. №55. С. 119.

¹⁷ Кольчева Е.И. Полные и договорные грамоты. С. 65; Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. №172. С. 167. Разъезжую грамоту писал М. Александров, «подьячий ямской». Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988. №221. С. 135.

¹⁸ ДАИ. Т.1. №105. С. 153; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее – ТКДТ) М.; Л.1950. С. 93; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 781. Л.37 об.; Гурлянд М.Я. Ямская гоньба. С. 173; Записная книга. Ст.130.

Сам Алабыш вскоре стал фигурантом переписки между центральным правительством и новгородскими дьяками. В марте 1556 г. челобитную «в бесчестье» против него подал купеческий староста А.Д. Сырков. Во время рейда по посаду с целью «корчемного питья выимати и питухов имати» Алабыш вступил в открытый конфликт с людьми старосты: «питухов у себя имати и питья выимати не дал, и Алексея деи лаял и в груди толкал». В результате своего поступка он был отставлен от «ямского приказа», а в его место дьякам было велено выбрать другого сына боярского «добра»¹⁹. Практика предоставления «ямского» местным детям боярским в это время, очевидно, воспринималась как обычное явление, находя подтверждение в других подобных примерах.

В 1543 г. жалованная грамота была выдана Г.П. Арцыбашеву на половину ямского, «как преж сего». В феврале 1544 г. он подписывал полную грамоту в качестве ямского дьяка Великого Новгорода. Нахождение на этой должности для него имело кратковременный характер. В 1550 г. он был записан в Тысячной книге, а в 1552 г. погиб при штурме Казани²⁰. Обязанности ямского дьяка в Новгороде в начале 40-х гг. исполнял, видимо, также А.Т. Окунев, который позднее в 1545 г. был пожалован на правах кормления половиной писчего в Старой Руссе²¹.

До нашего времени сохранился пересказ челобитной И.П. Кушника Курцева, поданной Ивану IV в 1555/56 г. Этот любопытный документ рисует перипетии карьеры рядового служилого человека. Свою службу он начал еще в правление Василия III, а затем участвовал в неудачном казанском походе 1524 г.: «был с воеводами на службе в Казани, и было деи дело воеводам нашим с казанскими людьми на Итякове поле, и на том деи деле его казанские люди изсекли и замертва покинули». На исходе карьеры он исполнял обязанности решеточного приказчика и просил сохранить за ним поместье в прежнем объеме, чтобы ему «было чем прожитии и прокормитися и долг заплатити». Эта челобитная, поддержанная митрополитом Макарием, была удовлетворена²².

За кадром остались некоторые детали биографии И.П. Кушника. Его родным братом был игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион, назначенный в 1551 г. новгородским архиепископом, что объясняло ходатайство митрополита Макария. В родстве с ним были влиятельные в придворном окружении Фуниковы-Курцевы. Сам он в 1527 г. исполнял обязанности дьяка ямского Великого Новгорода, хотя, очевидно, эта его служба не оставила следа в его дальнейшей карьере²³.

Выполнение новгородскими ямскими дьяками службы вообще имело не слишком продолжительный характер. По три года выполняли свои обязанности Д.И. Бунков и Г.Я. Шонур Яковлев. Близкими были сроки «ямского» у И.В. Лугвенева, Ф.М. Калачева, Осана В. Кулюбаева и Долмата Л. Неклюдова (Ожерельева).

В отличие от «больших» и дворцовых дьяков, чаще всего получавших свои назначения непосредственно из Москвы, все они были выходцами из мест-

¹⁹ ДАИ. Т.1. №103. С. 152.

²⁰ АСЗ. Т.1. №16. С. 21, 325-326.

²¹ Лакиер А.Б. Акты, записанные в крепостной книге XVI века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Пол. 1. Отд. 2. С. 32; АСЗ. Т. 1. №201. С. 169, 334-335.

²² ДАИ. Т.1. №52. С. 113.

²³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 404-405; Записная книга. Ст. 79-80.

ной служилой корпорации²⁴ и отличались не слишком знатным происхождением. С оговорками только некоторых из них можно причислить к категории дворовых детей боярских – А.Т. Окунев²⁵, Г.В. Булгак Вокшерин²⁶, И.П. Кушник Курцев²⁷. Городовыми детьми боярскими определено были Г.П. Арцыбашев и Алабыш Колобов Перепечин²⁸.

Среди псковских ямских дьяков А.Н. Волосатый и Д.А. Кубас Сарыхозин также были выходцами из новгородской корпорации²⁹.

Анализ землевладения показывает, что выполнение «ямского» не отражалось на изменении статуса этих лиц. В 1550-е гг. И.П. Кушник Курцев продолжал распоряжаться поместьем, пожалованным еще его отцу. В 1504 г. поместье И.Г. Чернеца Паюсова в Шелонской пятине получили его дети Федор и Андрей «что было за отцом»³⁰. Сыновья И.В. Лугвенева и Д.И. Бункова «унаследовали» в полном объеме отцовские поместья. В Водской пятине в конце 30-х гг. среднее по размерам поместье принадлежало А. Кореневу (Коротеневу) Путилову³¹. Помещиком Бежецкой пятины в начале 1550-х гг. был также Т.И. Уского, отец которого умер в «Новгороде на ямском дьячестве» в 7057 (1545/46) г. Это поместье на изменилось в размерах с конца 1530-х гг., насчитывая те же 33 обжа³².

Список новгородских ямских дьяков, составленный Е.И. Кольчевой, дает представление о том, что среди них не сложились собственные династии. Ни в одном из известных примеров первой половины XVI в. дьячество не было пожаловано близким родственникам лиц, занимавших прежде эту должность. Очевидно, что должность ямских дьяков имела характер кормления не слишком высокого ранга, достававшегося местным детям боярским³³.

Переходя к ямским дьякам центрального аппарата, а точнее, к московским ямским дьякам конца XV – первой половины XVI в., стоит отметить, что «ямское» отсутствовало в новгородской республике. Возникновение ямской гоньбы, равно как и организация сбора ямских денег появились здесь уже после ликвидации независимости Великого Новгорода и, очевидно, были скопированы с московских образцов.

---

²⁴ Г.В. Булгак Вокшерин, И.В. Лугвенева, Коротень В. Путилов, Ф.М. Калачев, Д.И. Бунков, Кушник П. Курцев, Долмат Л. Неклюдов (Ожерельев), А.Т. Окунев, Г.П. Арцыбашев, Алабыш Колобов Перепечин. См. также: *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие. С. 269. В конце XV в. полные грамоты подписывал «новгородец» И.Г. Чернец Паюсов.

²⁵ Его сын Иван – дворовый сын боярский Водской пятины.

²⁶ Дед ямского дьяка, Алексей Вокшерин в 90-е гг. XV в. был одним из писцов Бежецкого Вехи. Его близкий родственник, Ф.В. Вокшерин в 1542-43 гг. ездил с посольством в Крым. Он вместе с братом Иваном служили по Дмитрову.

²⁷ Курцевы, потомки дьяка А.И. Фуника, в середине XVI в. находились в верхней части Государева двора. Самому И.П. Кушнику принадлежал «дворовый» оклад в 30 обож.

²⁸ ТКДТ. С. 89, 93.

²⁹ *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие. С. 269, 324.

³⁰ АСЗ. М., 2004. Т. 4. № 336. С. 250.

³¹ *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие. С. 169, 322-323; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 165-167.

³² Новгородские писцовые книги (далее – НПК). СПб., 1910. Т.6. Ст. 210, 606.

³³ *Кольчева Е.И.* Полные и договорные грамоты. С. 73-75. Факт пожалования новгородского «ямского» в кормления был вскользь отмечен А.А. Зиминим, который, однако, не придал ему значения в обобщающем исследовании об эволюции приказной системы (*Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 188).

Судебник 1550 г. содержит в статье о недельщиках (Ст. 47) запись о загадочных «дьяках у кормленей» или «кормленных дьяках», которые давно привлекали внимание историков. П.А. Садилов обосновал мнение о контроле, который они осуществляли за деятельностью кормленщиков, хотя в предложенной им схеме, принятой и другими исследователями, непонятным остается вопрос о причинах их упоминания в контексте отчетности о «ездах» и «приставных»³⁴. В статьях Судебника, прямо посвященных пределам юрисдикции кормленщиков – наместников и волостелей, «кормленные дьяки» уже не встречаются. Положение о ведении списков «товарищей» недельщиков дьяками присутствовало в Соборном Уложении 1649 г., хотя ко времени его составления кормления уже давно были отменены.

Надо отметить, что недельщики никогда не рассматривались как полноценные участники кормленской системы. «Недели» позднее признавались за местнические «потерьки», несовместимые с претензиями той или иной фамилии на высокое положение³⁵.

Недельщики для выполнения своих поручений периодически взаимодействовали с ямщиками, получая от них подводы, и с ямскими дьяками, которые аккумулировали у себя прогонные деньги. Сытник Меншиков Мартынов собирал с «ослушников» прогонные деньги «по той выписи, какова дана из ямские избы». На подводах должны были вести из Ореховского уезда арестованного сына боярского Ратмана Белого. Уставные грамоты ямским слободам показывают же, что предоставление подвод было исключительной прерогативой ямщиков: «а мимо охотников подвод внаем никому не давати»³⁶.

Распространенная практика делегирования недельщиками своих обязанностей широкому кругу «ездоков» должна была запутывать учет прогонных денег. Ограничение числа «ездоков» и их запись в специальные книги упрощали эту процедуру и делали ее более прозрачной. В середине века московское правительство уделяло прогонным деньгам большое внимание. В обращениях к новгородским дьякам по поводу задержек со сбором налогов неоднократно звучала угроза взыскать с них недоимки и прогоны: «и нам по вас в тех денгах послати пристава из прогонов, а прогоны велим на вас доправити вдвое»³⁷.

В уставной грамоте касимовской ямской слободе 1567 г. подробно описывается практика использования подвод представителям различных ведомств: «А которые наши воеводы, посадчики и городовые приказщики, и ключники и высельщики и всякие мои царевы и великого князя посланники учнут от себя гонцов посылать по своим подорожным грамотам на подводах... да тех своих гонцов имена, куды пошлют и сколько кому подвод дают пишут у себя в книги да те свои отпуски присылают к Москве к дьякам в ямскую избу для справки ямских книг». Все они должны были, таким образом, отчитываться об использова-

³⁴ ПРП. Вып.4. С. 244; Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 212-246.

³⁵ См., например, Татищев Ю.В. Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910. С. 9, 11, 19 и далее.

³⁶ Акты, относящиеся к истории тяглаго населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. 2. №16. С. 12-13; ДАИ. Т.1. №51. С. 78-79; Анхимюк Ю.В. Уставная. С. 291. В отрывке росписи ямских прогонов 1574 г. фигурировали «ездоки дворецкие». (РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Ст. 844).

³⁷ ДАИ. Т.1. №95. С. 147.

нии подвод перед ямскими дьяками. Описанная здесь процедура отчетности напоминает порядок, предусмотренный Судебником 1550 г.: «тех своих заговорщиков и ездовых неделщиком у дьяков записывати в книги для того, чтоб неделщики заговорщиков и ездовых своих не отпирали»³⁸. В этом случае можно говорить о тождестве «кормленных дьяков» Судебника с «ямскими».

Состав московских ямских дьяков демонстрирует более высокую преемственность. Близкими родственниками были Д.Г. и И.Т. Клобуковы, а также А. и Т.С. Моклоковы. Большинство из них соотносилось с дьяками других специализаций. После «ямского» в качестве дьяков отметились И.М. Чудин Карачаров, И.Т. Клобуков, А.И. Фуник Курцев, Т.С. Моклоков, И.В. Пух Тетерин, В.В. Рахманинов. Помимо перечисленных лиц родственников среди дьяков имели И. Аргамаков и И.В. Жуков³⁹.

Как и в Новгороде московские «ямские», чаще всего, находились на своей должности непродолжительные отрезки времени, не более 1-2 лет. Некоторые из них по завершении службы были задействованы в выполнении поручений, свойственных, скорее, для детей боярских, хотя грань в этих примерах является не слишком осязаемой. А.И. Фуник Курцев в 1531 г., в промежутке между его упоминаниями в качестве ямского дьяка и последующей дьяческой карьерой был судьей в Переславском уезде. «Свой человек» А.С. Моклоков в 1520 г. был отправлен с казной к прусскому магистру. С.А. Ярец Нармацкий в 1533 г. описывал вместе с И.Д. Бобровым Рязанский уезд. Т.Д. Айгустов, в начале 1530-х гг. был писцом волости Юхоть, передаваемой князю Ф.М. Мстиславскому⁴⁰.

Во всех перечисленных случаях отсутствуют упоминания о дьячестве этих лиц. Существовали примеры «дворянских» служб будущих ямских дьяков. В 1511 г. «мужем» на суде в Белозерском уезде был Ю.Ф. Лелечин. В качестве пристава у литовских послов отметился И.М. Чудин Карачаров, а Д.Г. Клобуков в 1510/11 был среди писцов Переславля-Рязанского⁴¹.

При рассмотрении совокупности биографических сведений видно, что круг выполняемых ими поручений, а соответственно их личный статус и, в большей степени, статус их сыновей, не претерпели сколько-нибудь значительных изменений. Исключения составлял круг лиц, прижившихся в придворной среде и использовавших свое пребывание на «ямском» для будущего вхождения в состав полноценного дьячества.

Многие московские ямские дьяки, хотя, вероятно, не все, были выходцами из семей и фамилий дворовых детей боярских. Обращает внимание необычно высокий уровень среди них выходцев из Владимирского уезда. По Владимиру в Дворовой тетради были записаны позднее сыновья И. Аргамакова, Т.Т. Всево-

³⁸ Гурлянд М.Я. Ямская гоньба. С. 154; ПРП. Вып.4. С. 244.

³⁹ Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 240, 241, 248, 254, 273; Кром М.М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С. 844; Колычева Е.И. Полные и докладные грамоты. С. 76, 80.

⁴⁰ Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и в библиотеках. СПб., 1895. С. 194-195; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 250-252; 315-330; Антонов А.В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI - начала XVII века // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 24; Азовцев А.В. Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. // Рязанская старина. Рязань, 2006. Вып. 2-3. С. 315-330.

⁴¹ Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 240, 249.

ложского, А.И. Фуника Курцева, С.А. Ярца Нармацкого⁴². Складывается впечатление, что такая связь была не случайной и могла объясняться существованием списков к «кормленному верстанию», имевших территориальную составляющую. Из подьячих до ямских дьяков дослужились А. Лукин (Жерцев) и Русин Щекин Протасов, хотя последний был выходцем из среды детей боярских⁴³.

Можно предположить, что «ямское» проделало путь эволюции, свойственный ряду других бывших дворцовых должностей, которые в конце XV в. приобрели новое содержание. Привычными терминами «тиун», «дворский», «ключник» в это время часто стали обозначаться должностные лица, сосредотачивавшие в своих руках значительные объемы власти на местах. Лица, занимавшие дворцовые должности, были агентами центрального правительства до момента появления института городских приказчиков, а в ряде случаев и значительно позднее⁴⁴.

По наблюдениям П.В. Чеченкова, ключники Нижнего Новгорода представляли собой высших в уезде управителей дворцовых и оброчных земель с судебными и административно-хозяйственными полномочиями. Как правило, эту должность на правах кормления занимали представители местной служилой корпорации достаточно высокого ранга⁴⁵. Нижегородский ключник Петеля Паюсов в 1478 г. был отправлен с посланием великого князя в Псков. Сохранилось несколько кормленных грамот с пожалованием нижегородского ключа – Ф. Мещеринову Языкову под И. Жеребятниковым, Ураку Готовцеву, К.А. Языкову. В книге раздачи жалования 1556/57 г. упоминаются также кормления на рязанский и вяземский ключ. Тверская писцовая книга конца 1530-х гг. упоминает «ключнич путь»⁴⁶.

Эти должности стали передаваться в ведение кормленщиков уже во второй половине XV в. Из семьи можайских вотчинников, входивших в состав двора верейских князей, происходил тиун Ф. Карачаров. Должность тиуна устюжского занимал К. Коробьин. Его биографию можно дополнить рядом фактов. В 1460-70-е гг. он был волостелем на двинских землях. В 1471 г. Кузьма Коробьин, «боярин», был отправлен в Псков с приказом выступать против Новгорода. Его сын И. Брюхо в 1491 был среди детей боярских, отправленных на поиски месторождений серебра на Цильму. Другой его сын, Григорий в 1494 г. был среди детей боярских в посольстве князей В.И. Патрикеева и С.И. Ряполовского. Сам К. Коробьин, очевидно входил в состав Государева двора⁴⁷.

⁴² ТКДТ. С. 155-156.

⁴³ Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 280; Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие. С. 210, 288.

⁴⁴ В Нижнем Новгороде дворский А. Жедринский (из местных детей боярских) позднее известен в качестве городского приказчика.

⁴⁵ Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004. С. 88-94.

⁴⁶ АСЗ. Т. 1. №310-311. С. 301-302. В 1481/82 г. нижегородский ключ как отдельную административную единицу описывал Ф.М. Киселев. Антонов А.В. "Боярская книга" 1556/57 года (далее, Боярская книга) // РД. Вып. 10. М. 2004. С. 89, 98, 100, 109, 112, 116. Писцовые материалы Тверского уезда. М., 2005. С. 21. Поместье «ключнич пути» принадлежало неогтинскому посельскому, позднее ключнику И. Пестову.

⁴⁷ Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 239-240; Аракчеев В.А. Власть и земля. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России первой половины XVI – начала XVII века. М., 2014. С. 415; Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 133-134.

Московский тиун начала 40-х гг. Г.А. Тыртов в 1542 – 43 гг. ездил с посольством в Крым, а затем принимал участие в церемонии свадьбы Ивана IV и Анастасии Романовой. Его «коллега», московский тиун 1547 г. Я. Губин Моклоков в Тысячной книге и в Дворовой тетради был записан по Юрьеву, а позднее держал в кормлении Тотьму. Сохранилось упоминание о жалованной грамоте на тиунство в Ростове, выданной В.Н. Малому⁴⁸. В уже названной книге раздачи жалования 1556/57 г. встречаются тиунства московское и устюжское⁴⁹.

Кормлением было дворское во Владимире. В 1549 г. Н.Г. Оленин получил грамоту на половину дворского во Владимире под Т. Харламовым. Коломенская десятина 1577 г. упоминает о нескольких случаях челобитий о пожаловании дворского детям боярским вместо причитающегося им жалования⁵⁰.

Раздача этих должностей в кормление имела двойное значение. В связи с разрастанием численности Государева двора возросло число претендентов на получение кормлений. Это неизбежно вело к дроблению кормлений и к попыткам распространить их на самые разные, в том числе, и мельчайшие, источники доходов (поворотное, полавочное, бражное, бобровое, «мех» и т.д.). Не стоит забывать о статусном характере кормлений, имевшем большое значение для широкого круга лиц не слишком знатного происхождения. Еще в середине XIV в. договор между сыновьями Ивана Калиты включал в себя пункт об определении круга лиц, которые могли претендовать на попадание в категорию слуг вольных: «А вольным слугам воля, кто в кормлении бывал и в доводе при нашем отци и при нас». Зафиксированная норма находит подтверждение в родословных росписях. В росписи Кикиных, например, присутствовала исчерпывающая характеристика для сыновей И.Т. Кикина: «были в чести и в жалованьях и в доводках и в кормлениях великих». Сам факт пожалования кормления подчеркивал привилегированный статус его получателя. Такая практика сохранялась, в том или ином виде, вплоть до середины XVI в.⁵¹

Значительная часть встречавшихся в источниках первой половины XVI в. территориальных тиунов и дворских отличались не слишком знатным происхождением. Уже названные Н.Г. Оленин, Т. Харламов, В.Н. Малой, как и известные нижегородские ключники не принадлежали к дворовым фамилиям. Их родственники отсутствовали в Дворовой тетради 1550-х гг., что само по себе свидетельствует о распространении системы кормлений за рамки собственно Государева двора. Книга ключей Иосифо-Волоколамского монастыря показывает, что монастырские слуги в качестве вознаграждения за службу получали «суд», «додов», «явку» и «роздвижное», напоминая в этом отношении, обычных кормленщиков. Приказчики отправлялись в села на «кормления»⁵². Подобным обра-

⁴⁸ Кром М.М. Вдовствующее царство. С. 848; Антонов А.В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // РД. М., 1998. Вып. 3. С.91-155; АСЗ. Т. 1. № 228. С. 200–202; Ростовское тиунство, возможно, восходит ко времени удела Марии Ярославны.

⁴⁹ Боярская книга. С. 81, 89.

⁵⁰ АСЗ. М., 2004. Т. 3. №303. С. 247; Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. М., 1891. Кн. 8. С. 17, 21, 25.

⁵¹ ДДГ. №2. С.12; Синбирский сборник. М., 1844. Ч.1. Разд. 2. С.1; Флоря Б.Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // ИСССР. 1983. №1. С.71-72; Боярская книга. С. 97.

⁵² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 98.

зом строились отношения податного населения и ключников (посельских) на великокняжеских землях.

Вряд ли, все территориальные тиуны и дворские, известные по актам первой половины XVI в., (дворские звенигородские, суздальские, нижегородские, ярославские и т.д.) были кормленщиками в привычном понимании этого термина, так что эти должности могли замещаться на равных началах представителями «честных» фамилий и выходцами из более низких слоев. Кормленский статус представлял собой своеобразную лазейку, которую лица незнатного происхождения, занятые административной деятельностью, могли использовать для последующего подъема по социальной лестнице, о чем свидетельствует, в частности, сохранение ими жалованных грамот такого рода в семейных архивах.

Необходимо принимать во внимание разнообразие управленческих традиций, имевших место внутри Русского государства. Система управления на местах часто отличалась от московского шаблона. Серьезное значение имели дворцовые должности в Верейско-Белозерском княжестве. В Устюге и Вологде тиуны были полномочными представителями великокняжеской власти. Ключник князя Федора Рязанского Г.И. Зыков присутствовал на одном из земельных разъездов, где его отчество было записано с характерным окончанием на «вич» – Григорий Иванович⁵³.

В том же направлении развивалась эволюция указанных должностей в Великом княжестве Литовском⁵⁴. В ряде случаев их высокий статус мог быть воспринят со времен самостоятельного существования тех или иных территорий, вошедших в состав Русского государства.

На таких же основаниях, скорее всего, обязанности прежних «ямников» вместе с причитающимся им вознаграждением перешли в ведение дьяков, а затем стали объектами пожалования в кормление. Арцыбашевы, выходцы из городских детей боярских, предъявляли грамоту о пожаловании их предка половиной ямского в кормление, стремились подчеркнуть его высокий статус.

Пример ямских дьяков в этом случае был не уникален. В середине XVI в. в Старой Руссе в кормление отдавалось «писчее». «Писчее» или «писчая белка» неоднократно фигурировали в жалованных грамотах XIV – XVI вв. С.М. Каштанов считал, что этот сбор обозначал пошлину, идущую писцу – производителю земельных описаний. Это предположение, вряд ли, соответствовало истине. «Писец русский» фигурировал при описании этого города конца XV в. Маловероятно, однако, под ним имелся в виду кто-то из членов писцовой комиссии, принимавшей участие в переписи Шелонской пятины. Последующие русские сборщики «писчего» (М. Ступишин, А.Т. Окунев, Ю. Манасеин, И. Тверитинов, С.Ф. Нагаев, Истома Блаженков) никак не были задействованы в писцовых описаниях. «Писчим», скорее, обозначался сбор пользу дьяка, что было обозначено, например, в жалованной грамоте Двинской земле 1397 г.: «А дьяком от писма от судные грамоты две белки»⁵⁵. Сборщик «пищего» в Рязанском княжестве Осейка

⁵³ Черкасова М.С. Северная Русь в XIII-XVII вв., Вологда, 2015. С. 49-50; АСЭИ. М., 1964. Т.3. №323а. С. 353. Он же фигурирует как землевладелец в разъезде 1498 г. (Морозов Б.Н. Грамоты XIV-XVI вв. из копияной книги Рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 305).

⁵⁴ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 421-424.

⁵⁵ Каштанов С.М. Финансы. С. 31; АСЭИ. Т.3. №7. С. 22; АСЗ. Т.1. №201. С. 335 (примечание).

Федоров Кокорев являлся дьяком (и сыном дьяка). Пожни писчего дьяка позднее упоминались в грамоте 1539 г. Троице-Сергиеву монастырю в Нижегородском уезде⁵⁶. «Писчие» в Новгородской земле с 60-х гг. XVI в. обозначалось как «дьячие писчие пошпины», не оставляя сомнений в своем происхождении⁵⁷.

Писцы Старой Руссы (половина писчего, как и в случае с «ямским»), скорее всего, выполняли делопроизводственные функции в наместничьем аппарате. Как и в случае с ямскими дьяками эта практика стала объектом кормления.

Стоит согласиться с Н.П. Лихачевым, что малая доходность ямского с точки зрения кормленщиков могла привести к прибавке к нему права взимания платы с оформления полных грамот, которая позднее стала для него определяющей. При формировании состава администрации недавно присоединенного Пскова специально подчеркивалась роль А.Н. Волосатого: «а в ямских дьяках велел быти Андрею Никифорову сыну Волосатого, писати ему полные грамоты и докладные». Д.В. Лисейцев, считая ямских дьяков дворцовыми, полагал, что причиной составления ими полных грамот было изъятие холопов из числа налогоплательщиков, которое требовало контроля лиц, близких к персоне государя. Слабый учет холопов и практика взимания податей с «земли», а не с конкретных лиц из числа податного населения убеждают, однако, скорее в фискальном интересе великокняжеской власти при оформлении этой процедуры⁵⁸.

Первые назначения ямских дьяков демонстрируют их устойчивые связи с делопроизводственной средой. Нередко они выступали в тандеме с дьяками других «специализаций». На рубеже веков, например, Г.В. Булгак Вокшерин был ямским дьяком, а его брат И. Суморок – большим. Анализ их землевладения показывает, что первоначально они оба получили поместье как обычные дети боярские и, уже затем, были взяты для несения дьяческой службы⁵⁹. Родственником И.Г. Чернеца Паюсова был, вероятно, Болдырь Паюсов, известный дьяк начала XVI в. Еще один представитель этой фамилии – Петеля Паюсов был нижегородским ключником. Наконец, неоднократно упоминаемый И.П. Кушник Курцев выполнял обязанности ямского дьяка в Новгороде в то время, когда московским «ямским» был его родственник А.И. Фуник Курцев⁶⁰.

«Ямское» конца XV в. имело существенные отличия от более позднего варианта и, вероятно, еще не приобрело вид классического кормления. Судя по сохранившимся полным грамотам, А.И. Хлуденев исполнял свои обязанности на протяжении 1470-80-х гг. XV в. Не менее семи лет, с 1490 по 1497 г., продолжалось «ямское» у Т.С. Моклокова. Так же длительна была служба их «коллеги» в Новгороде И.Г. Чернеца Паюсова – с 1488/89 г. по 1496 г. Характерно, что во всех этих трех случаях речь шла о выполнении функции ямского дьяка только

---

⁵⁶ Кротов М.Г., Сметанина С.И. Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Советские архивы, 1987. № 1. С. 66-68; Действия Нижегородской губернской ученой комиссии. Сборник. Нижний Новгород, 1913. Т. 14. №8. С. 13.

⁵⁷ Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV - начала XVII в. Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып.2. М., 2013. №21. С. 34-35. До этого в платежнице Деревской пятины 1558 г. – «дьячие пошпины».

⁵⁸ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888., С. 51; Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 230; Лисейцев Д.В. Ямской приказ. С. 138-139.

⁵⁹ НПК. СПб., 1868. Т. 3. Ст. 375-380, 483-484, 490-491.

⁶⁰ Записная книга крепостным актам. Ст. 81.

одним исполнителем. Позднее, и в Новгороде, и в Москве «ямское» осуществлялось одновременно двумя лицами («половина ямского» из жалованных грамот). Впервые о бытовании этой практики можно говорить применительно к 1504 г., когда «ямскими» на Москве были Иван Терентьев и Александр Лукин. Следом ямскими дьяками были Роман Иванов и Иван Аргамаков (1507 г.), А.С. Моклоков и Верещага Александров (1511-12 гг. и, вероятно, 1520-21 гг.), Д. Клобуков и Ю. Лелечин (1515-17 гг.), Т.Т. Всеволожский и Т. Добрынин Айгустов (1524-25 гг.), И.М. Чудин Карачаров и А.И. Фуник Курцев⁶¹ (1526 – 27 гг.) и т. д.

В Новгороде ямские дьяки выступали отдельно друг от друга, но, видимо, уже в первые годы XVI в. «ямское» было сосредоточено в руках двух лиц – Г.В. Булгака Вокшерина и И.В. Лугвенева. Позднее И.П. Кушник Курцев исполнял свою должность одновременно с Осаном Кулюбаевым. Стоит предположить, что рубеж XV и XVI столетий стал временем оформления «ямского» в том виде, в каком эта должность просуществовала несколько последующих десятилетий.

Частая обновляемость состава и отсутствие преемственности в их среде, вряд ли, способствовали успешному выполнению контроля за функционированием ямской службы. Серьезные вопросы при таком подходе должны были вызывать уровень профессиональной подготовки и степень вовлеченности ямских дьяков в вверенный им круг дел. В Москве «ямское» в дальнейшем стало выступать в виде своеобразного трамплина для попадания в число дьяков более широкого функционала, в Новгороде же, при отсутствии связей с великокняжеским окружением, деградировало до уровня заурядного кормления. Такими же кормлениями без дальнейшего служебного продолжения здесь были ловчее, ясельничее и т.д., которые в столице оформились позднее в придворные чины.

Отмена кормлений в 1556 г. и реформирование ямской гоньбы привели к трансформации «ямского». В Новгороде ямские дела перешли в ведение больших дьяков, в Москве – в компетенцию дьяков специально созданного Ямского приказа. Ямская изба упоминается уже в 1550 г. С 1555 г. известна деятельность ее первого дьяка И.С. Мацнева⁶². Есть основания предполагать, что изменения в судьбе московских ямских дьяков произошли еще ранее. В 1548 г. дело о выборе ямщиков в Тотмье решалось казначеями И.И. Третьяковым и Ф.И. Сукиным. Вероятно «ямское» уже в это время находилось в ведении Казны. В 1553 г. ямскими дьяками были незнатные Петеля Некрасов и Д.А. Шуйгин. Худородством отличались и последующие известные ямские дьяки⁶³.

На примере организации «ямского», ставшего одним из видов кормлений, прослеживается сложность и неоднозначность процесса выстраивания системы административного контроля в Русском государстве конца XV – первой половины XVI в. Центральное правительство использовало наработанные ранее формы кормленческой системы для увеличения количества своих исполнителей и повышения статуса занимаемых ими должностей. Его положительным результатом стало быстрое проникновение в дьяческую (придворную) среду ряда пред-

⁶¹ В 1518/19 г. «ямскими» были, видимо, А.И. Фуник Курцев и С.А. Ярец Нармацкий.

⁶² ДАИ. Т.1. №51. С. 79; *Лихачев Н.П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 57.

⁶³ АСЗ. Т.4. №100. С. 75-76; *Кольчева Е.И.* Полные и докладные грамоты. С. 81. Д.А. Шуйгин вместе с И.А. Кононовым был «ямским» также в 1569 г. (АСЗ. Т.1. №147. С. 122-123). В 1564 г. ямским дьяком был А. Тишков, представитель известной фамилии дворовых детей боярских.

Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса

ставителей «честных» фамилий, многие из которых сделали впоследствии блестящую карьеру на делопроизводственном поприще. В этом отношении, возможно, был использован опыт некоторых удельных дворов, где дьяки в конце XV в. занимали высокое место в служебной иерархии (А.В. Карамышев, И.Д. Ципля Монастырев). Восприятие «ямского» как кормления позволяло служилым людям безболезненно выполнять несвойственные им ранее поручения.

Бряд ли допустимо, однако, рассматривать ямских дьяков в качестве полноценной части зарождающегося «класса приказной бюрократии». Для многих из них, особенно для новгородских «ямских», это была временная служба, не оставившая заметного следа в дальнейшем продвижении по лестнице чинов.

Источники и литература

1. *Азовцев А.В.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. // Рязанская старина. Рязань, 2006. Вып. 2-3. С. 315-330.
2. Акты новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып.2. М., 2013.
3. Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975.
4. Акты служилых землевладельцев XV-начала XVII века. М., 1997. Т. 1; М., 2002. Т. 3; М., 2004. Т.4.
5. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2.; М., 1964. Т.3.
7. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг. М., 1998.
8. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1.
9. Акты, относящиеся к истории тяглаго населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. 2.
10. Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографическою экспедициею. СПб., 1836. Т. 1.
11. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998.
12. Андрей Курбский. История о делах великого князя московского. М., 2015
13. *Антонов А.В.* "Боярская книга" 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 79-118.
14. *Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 91-155.
15. *Антонов А.В.* Новые источники по истории полного холопства // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 120-125.
16. *Антонов А.В.* Ярославские монастыри и церкви в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 13-67.
17. *Анхимюк Ю.В.* Уставная грамота рязанской Ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. М. 2001, Вып. 7. С. 286-292.
18. *Аракчеев В.А.* Власть и земля. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России первой половины XVI – начала XVII века. М., 2014.
19. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
20. *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

21. *Гурлянд М.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века, Ярославль, 1900.
22. Действия Нижегородской губернской ученой комиссии. Сборник. Нижний Новгород, 1913. Т. 14.
23. Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. М., 1891. Кн. 8.
24. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т.1.
25. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.
26. Записная книга крепостным актам XV – XVI веков, явленным дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.17. Отд. 2.
27. *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. 1981. Т. 87. С. 219-286.
28. *Зимин А.А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1965 г. М. 1966. С. 342-353.
29. *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
30. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 1.
31. *Каиштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
32. *Кольчева Е.И.* Полные и договорные грамоты XV-XVI вв. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С.41-81.
33. *Кром М.М.* «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010.
34. *Кротов М. Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Советские архивы. 1987. № 1. С. 66-70.
35. *Лакшер А.Б.* Акты, записанные в крепостной книге XVI века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Пол. 1. Отд. 2.
36. *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве: из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI века. М., 1961.
37. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.
38. *Лисейцев Д.В.* Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI – начале XVII века // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. Материалы конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.А. Преображенского. М., 2010. С. 137-145.
39. *Лихачев Н.П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894.
40. *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
41. *Лихачев Н.П.* Сборник актов, собранных в архивах и в библиотеках. СПб., 1895.
42. *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

43. Морозов Б.Н. Грамоты XIV-XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298-308.
44. Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. 3.
45. Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6.
46. Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4.
47. Писцовые материалы Тверского уезда. М., 2005.
48. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2002. Т. 6.
49. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 781.
50. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145.
51. Родословная роспись рода Кикиных // Синбирский сборник. М., 1844. Ч.1. Разд. 2.
52. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т.2; 1908. Т. 22.
53. Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.
54. Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
55. Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 53.
56. Сборник русского исторического общества. СПб., 1887. Т.59.
57. Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.
58. Татищев Ю.В. Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910.
59. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л.1950.
60. Флоря Б.Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за “бесчестье”) // ИСССР. 1983. №1. С. 61-74.
61. Хорошкевич А.Л. Источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI вв. // Советские архивы. № 1. 1974. С. 82-84.
62. Черкасова М.С. Северная Русь в XIII-XVII вв., Вологда, 2015.
63. Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.